

Люблю дома... с ненужными лишними вещами. Стерильно чистые квартиры, где надо снимать сапоги у входа и ходить в хозяйских тапочках, тщательно спланированная целесообразность и отсутствие «лишнего» — понимаю, что это субъективно, — для меня противоречат уютному милому быту.

В большой населенной несколькими поколениями семьи Менглета квартире на Беговой масса дорогих сердцу и, да не обидятся на меня хозяйева, бессмысленных безделушек: жостовские подносы, гжельская посуда, коллекция настенных тарелок, фарфоровые миниатюры... Масса фотографий. Их особенно любит хозяин Георгий Палыч Менглет, он даже установил большой альбом под стеклом на письменном столе. Там без всякой хронологии фотографии разных лет: жизнь и роли. Родители, друзья, учителя, обожаемые жена Нина и дети — жизнь, какой она сложилась, за уже немалые 85 лет. ...«Жорик, тебя к телефону!»... «Жорик, к тебе пришли!»... «Жорик, будешь кофе?» — он центр дома, его духовное притяжение. Из его комнаты не выгоняешь детей, они здесь допоздна, пока не выдержит Нина Николаевна и прогонит всех: дайте деду отдохнуть!.. Вечный и верный Жорик для всех. Не папа, не дед, тем более — не Георгий Павлович, для некоторых — Жорж, а для остальных — Жорик! Холеный красавец, в лице и в

а красавец и уже тогда популярный актер». «Особенность нашего союза, — это уже Георгий Павлович, — в том, что мы в него вступали сложившимися людьми, состоявшимися в профессии, с детьми, с опытом, друзьями, привычками. Казалось бы, Нинины дети — чужая плоть. Стали моими родными. Для меня они все были находкой. Я не спрашивал разрешения усыновить, удочерить. Не подкупал подарками. Ко мне пришло, наступило, обрушилось, вот, пожалуй, самое точное слово, мое, единственное, необходимое».

Снова Нина Николаевна:

— Детей ведь обмануть нельзя. Его обожают дети, внуки, теперь уже правнуки. Это мне может быть то — не то, это — не так, а ему в них все хорошо. «Не трогайте Катеньку!» Пусть как хочет, так и делает» — это он про внуку.

Георгий Павлович:

— Мне кажется, что прочность союза, не Советских Социалистических республик, а семейного, в том, что этот союз, брак, любовь должны быть естественными, органичными, их нельзя припудрить,

ктером». Хотя лучше, чем у Нины, трудно себе представить. Обрушилось! И, признаюсь вам, не могу справиться с этим уже много десятилетий...

— А, помнишь, Жорик, как еще в самом начале нам в лесу на даче встретилась старуха, которая мазью от комаров нас мазала и сказала: какой красавец, а такую невидную выбрал! — это Нина Николаевна.

— Старуха была неправа.

— Ну, у влюбленного мужчины — свой взгляд. Но как сохранять влюбленность столько лет?! Да в большой семье... Да вместе работая...

— Помимо красоты земной, соединяет мироощущение. Дети соединяют. И профессия. Она и соединяет, и разъединяет. Окаянная, бесконечно любимая и неотвратимая, актерская профессия залезает в душу, иногда когтями скребет, разочаровывает, но ни на миг не отпускает тебя. Любить женщину-актрису — это всегда говорить ей правду. Как бы порой ни хотелось, я ни разу Нине не соврал. Был, к примеру, у нее однажды срочный ввод на роль, все хвалили. А я сказал, что думал, и был рад, что она вскоре перестала играть эту роль... Очень люблю играть с ней вместе. Как мы оба любим «Проснись и пой!», где мы и по спектаклю супруги Эржи и Пишта!

— Вспоминаю многие ваши роли: вы столько играли разнообразных

вы ушли от ответа. Неужели за столько лет жизни на сцене чуть ли не в качестве профессионального любовника, да просто за больше чем 40 лет супружества, вы всегда были верны Нине Николаевне? Ну уж, сознайтесь!

— Надобности не было. Сейчас говорят: самодостаточно... Мы вместе были достаточно. Нам всегда хорошо. Нагулялся до нашей встречи!

— Было столько, что обьялся, — реплика Нины Николаевны. — Он и сейчас привлекает молодых актрис. И они его обожают.

— А ревновали вы друг друга?

Нина Николаевна:

— Я — нет. А он — еще как! Кинокарьеру мне из-за этого поломал: терпеть не мог куда от себя отпустить. Такой собственник! В молодости я у Барнета снялась в главной роли в фильме «Щедрое лето». Предложения посыпались. А он — ни в какую! Да и вообще он кино не любит. И сам не снимался, отказывался. И мне порушил всю карьеру.

Георгий Палыч:

— Не очень точно, но справедливо. Но всему пакостному есть оправдания. Я без Нины Николаевны Архиповой не мог существовать ни одного дня. Это факт.

Н.А.: — Недавно меня по старости отпустил к Никите Михалкову сняться в «Утомленных солнцем».

Фото Сергея ПАНКРАТЬЕВА. Концерт «ВМ»

Георгий Менглет: «И на сцене я не могу обнимать женщину, как шкаф»

любвников — от Жоржа Дюруа до вашего князьки Кучумова в «Бешеных деньгах» в свой юбилейный вечер. Уж, простите, но кажется, что вы — так хорошо знаете, как изменять женщине...

— Что-то подобное мне еще в студенчестве предрек один из моих педагогов Андрей Павлович Петровский. «Ты, Менглет, будешь играть отрицательных персонажей». Когда играешь плохих людей, важно найти их субъективную правду. Это трудно. В давние советские времена был я народным заседателем в суде: там трудно было рассчитывать на встречу с хорошими людьми. Но ведь каждый из обвиняемых старался себя оправдать: случайно хлопнул ладошкой и... убил. Никто не признавался, да, я — вор. И убийцы! Герой тогда станет убедительным, когда он обманывает правосудие, общество, начальника, партнеров, зрителей... Грань между правдой и притворством едва уловимая. Перешел ее — и конец искусству... На сцене очень важно не быть прилизанным. Мой любимый Борис Андреевич Бабочкин, когда сравнивал драматических с цирковыми артистами, предостерегал от неточности: но в цирке за ошибку платят смертью, сорвался — и нет тебя, а нам это не грозит, сойдет... Смотрите на сцене в любых спектаклях все, как правило, одинаково обнимаются, целуются. А ведь это — неправда. Важно знать, сколько он и она прожили друг с другом, счастливо ли или нет... Все разные любви, разные прикосновения губ, рук... Так же, как ненависть.

— Что до обаяний: как в советские времена вы играли любовь, ведь тогда «секса у нас не было»?

— Так и играл... Помню, перед одним из представлений «Милого друга» прибегает в гримбуторную начальник по делам искусства взмыленный: сегодня смотрят члены политбюро, так ты не очень уж целуй-обнимай своих любовниц. Как так?! Дюруа же на этом делает карьеру! Если дамы усомнятся во мне, все лопнет. Не могу же я их обнимать, как шкаф, а не как женщин... Прогнал я его! Но спектакль-таки в конце концов запретили: «Дурно де влияет на советскую молодежь...».

— А помнишь Жорик, вырезали из телевизионной версии «Проснись и пой», как я задираю юбочку, — это Нина Николаевна.

— Нет, как рождались дети, никто не должен был знать, — твердо подытожил Менглет.

— И все-таки, Георгий Павлович,

Г.П.: — Во время этих съемок мы были в санатории. Она ездила на съемки, а я не знал, куда себя деть. Так мне было плохо. Не умирал, а плохо было.

Мы сидим в уютном со старинной мебелью кабинете Георгия Павловича, раскрыта дверь в соседнюю спальню Нины Николаевны. Вообще все двери во все комнаты многонаселенной их квартиры раскрыты настуже: пришла дочь Лена... привезли из школы внучку Катю... позвонил с работы сын-врач Миша. Вместе живут три поколения семьи: дочка с мужем и двумя детьми, сын с семьей...

— А не мешаете вы друг другу? Не было желания разъехаться? Какие же надо кастроли готовить, чтобы всех накормить?! Ну, просто, наконец, шумно, уютно...

Н.Н.: — Когда-то в молодости люди удивлялись: куда ты столько детей заводил, как ты справишься? Близнецы, еще старшая дочка, еще одна — приемная после ашхабадского землетрясения, она, к сожалению, умерла... А я говорила: подождите, время придет, они все вернут. Так и есть. Я у них теперь на шее сижу: сын лечит, дочка дом ведет, все на ней, бедняжке. Нет, не хотят жить без нас. Такие замечательные дети! Мы умиляемся, пока они маленькие, — до 5 лет, потом перестаем. А мне они всегда любя: и в 20, и в 30, и в 40. Вот старшая — Наташа, Наталия Голубенцева, телевизионный Степашка, не с нами живет, у нее своя большая семья, муж, два сына, двое внуков — так я очень по ней скучаю, мне ее каждый день не хватает...

— И сколько же человек за стол садится?

— По праздникам — 16. Еще Маечка, дочь Георгия Палыча с мужем приходит. Иногда ее дети из Австралии приезжают...

— Да, к сожалению, редко мы все вместе бываем. У каждого свой режим. — Это Георгий Палыч. — Даже на кухне редко встречаемся. Поэтому не устаем от встреч. Понятно, почему меня никогда не тянуло на сторону?

— Понятно. А какие у вас сейчас в театре планы?

Н.Н.: — У меня никаких.

— А я о Достоевском думаю, о «Селе Степанчикове». Хочется «Провинциалку» тургеневскую сыграть...

Тут в комнату вошел, вплыл раскормленный балованный кот, нет, кошка Пуша, обожаемая всеми, и хозяйин с хозяйкой уже ни о чем, кроме Пуши, не говорили...

Анна КУЗНЕЦОВА

породистой повадке которого, как и в манере речи, в повадках — отметина старинного дворянского рода и редкая мужская индивидуальность, какая достается нечасто и сама по себе является божьей отметиной.

Творческая репутация актера сомнению не подлежит, но главная его роль, сознаюсь, для меня — одна: на всю жизнь верного мужа, преданного чуткого отца и деда (теперь уже прадеда), главы семейного клана.

— Я думаю, что если бы среди множества современных конкурсов нашлись желающие устроить ристалище на звание лучшего семьянина, особенно в актерской среде, вы бы могли, бесспорно, претендовать на первенство.

В разговор вступает Нина Николаевна Архипова, актриса, жена, друг, вечная возлюбленная Георгия Павловича. Когда я пришла и мы сели работать, он и ее усадил рядом. Он так привык. «Знаете, я сама до сих пор не устаю удивляться: что же это за характер — у человека, который входит в дом, где уже есть четверо детей, мать умершего мужа и становится для всех любимым и необходимым?! Да не замужышка какой-нибудь,

прихорошить, вранье все равно проскочит. Человек обнажен в любви, и это единственная правда. Как в творчестве я исповедую: на сцене нельзя казаться, надо — быть! Иногда хочется приукрасить себя, выгодней подать. Приврать. Нельзя этого делать, можно привыкнуть. В творчестве, как и в любви, ничего нельзя делать вполноги, не до конца. Мой любимый учитель Алексей Дмитриевич Дикий любил говорить: играешь без Гекубы... А у нее, как известно, по мифологии, было много сыновей, и она была счастливая мать, а потом они все погибли, и она испытала предельное горе. Так вот, играть без Гекубы означало для него состояние поверхностное, посередке.

— А как у вас все начиналось? Как вы поняли, встретив Нину Николаевну, что она и есть — единственная?!

— Господь Бог подсказал. Меня вот немудреная мысль посещает: разве можно вразумительно ответить на вопрос, почему мужчина выбирает именно ту женщину, а не другую. А она — его... Если человек говорит, что любит курносеньких или большеглазых, всегда найдутся курносенькие лучше. Даже если объясняет свое чувство «хорошим хара-

05.01.98

Менглет